

Журак и Сиря (прим. к Сов. культуре) - 1990 - 29 марта (№13) - с. 2

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

«Пока меня не услышат»

Год назад, во время предвыборной борьбы, мне казалось, что смогу совмещать музыку и работу в парламенте. Сейчас вижу, что надо заниматься или одним, или другим. Правда, наш председатель палаты Р. Нишанов как-то заметил недавно: мы, мол, сюда пришли не музыку писать. Как будто музыка — это дело такое «междупрочимное». Я бы сказал иначе: законотворчество — это такое же трудное дело, как сочинение музыки.

Законы тоже должны быть понятны людям и волновать их в той степени, в какой они могут разрешить всякую дисгармонию. Ведь что есть закон? Правило хорошего тона. Регламентация того, что «такое хорошо и что такое плохо». Даже в природе река имеет берега, хотя она могла бы просто разлиться. Но тогда не было бы реки.

Закон — тоже форма, тоже живой, дышащий организм, и чем он более утонченный, тем, мне кажется, более привлекательный и действенный.

Я довольно хорошо знаю страну, исколесил ее вдоль и поперек, и вот такое впечатление, будто нашу землю нарочно изрыли каким-то тупым предметом, она вся изранена и в прямом, и в переносном смысле. Уничтожение природы привело к тому, что нарушились и законы нравственности, весь жизненный уклад людей. Острота именно нравственных проблем, откровенно говоря, и «заманила» меня в парламент.

Меня никогда не устраивало, не устраивает

и не устроит то, что культура у нас загнана в ведомства, в министерства. Увы, мы привыкли: если кто-то делает столы, должно быть Министерство мебелиной промышленности, машины — машиностроительное и так далее. По сути дела, у нас предметный уровень мышления. Но культуру не затолкаешь ни в метры, ни в кубометры, ее не запланируешь на пятилетку — она как бы неосязаема. И она должна принадлежать всему обществу.

Зачем, спрашивается, фабрикант вкладывал деньги в народные дома? Да потому, что когда у человека обогащенный внутренний мир, он и работает лучше, и к обществу относится более лояльно, он добр и, соответственно, сеет вокруг доброту. Человек, нравственно опустошенный, бедный духовно, не может хорошо работать. К тому же нравственный потенциал, не будучи востребованным, уходит. И потому я очень хочу, находясь в парламенте, убедить наше государство в том, что не будет ни товаров, ни нормального производства ни в городе, ни в селе до тех пор, пока у нас некультурные люди.

То и дело сталниваюсь я с тем, что избиратели ждут от нас, депутатов, решения конкретных своих вопросов: кому-то пенсию надо повысить, у кого-то крыша протекла и так далее, пишут письма, просят принять их. Ну допустим, я даже смогу кого-то утешить, кому-то помочь, но ведь положение дел в обществе в целом останется прежним. Депутат Верховного Совета должен быть законодателем, он дол-

жен добиваться того, чтобы был выработан закон, благодаря которому вся ситуация в стране изменится к лучшему. И очень важно, чтобы одновременно воспитывалась юридическая культура общества. Без этого никакие позитивные перемены тоже невозможны.

Мы должники родной земли. И так же, как земля ждет дождя, так же и души наших соотечественников ждут нравственного, духовного возрождения. Никогда не забуду один эпизод. Я был на гастролях в Приуралье, в Кировской области и попросил отвезти меня в «глубинку». Ехать нам с артистами пришлось на тракторе, пианино тащили на прицепе. И вот в натопленной комнатухе собралось человек двадцать, больше в той деревушке зрителей не осталось... Мы играли, пели, все, как полагаются, как если бы мы выступали во Дворце съездов. И вот подходит ко мне старушка, у которой, так мне показалось, вместо рук одни прожилки и мозоли, и пытается мне руки целовать, словно попу или вельможе: милок, говорит, всю жизнь прожила и не знала, что такое бывает.

Сидя в столице у телевизора, трудно вообразить себе такие деревушки, где и электричество-то не круглые сутки бывает. А ведь сколько их в Отечестве...

К сожалению, очень часто, когда выхожу на сессию к микрофону и поднимаю вопрос о том, что нам необходим Закон о культуре, об интеллектуальной деятельности и интеллектуальной собственности, и когда, казалось бы, должна подняться «вся культурная рать» (причем не одни только творческие работники), я чаще всего оказываюсь в одиночестве.

Но я буду говорить об этом до тех пор, пока меня не услышат.

Евгений ДОГА,

композитор, народный депутат СССР.